

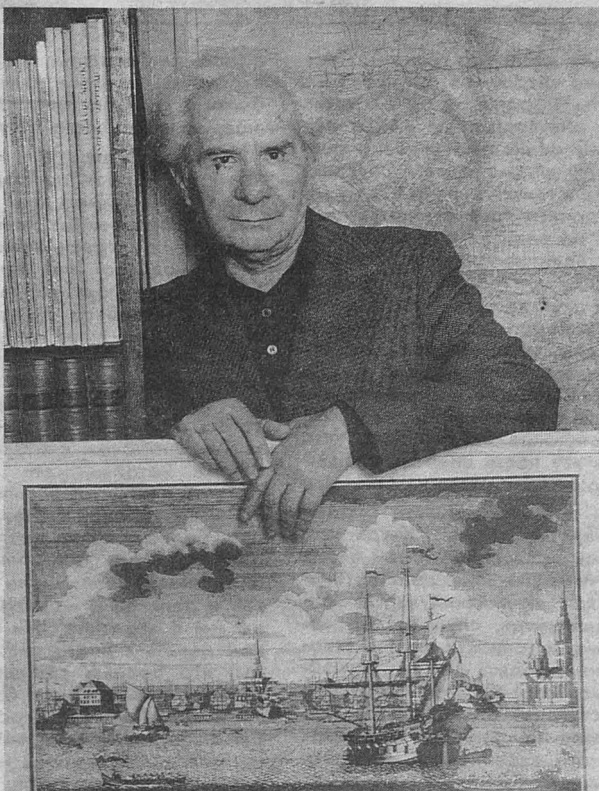
КАЛЕНДАРЬ

Володин Александр

Милый Саша!

Не удивляйся тому, что пишу тебе, хотя мы не виделись и не общались целую пропасть времени. Мне позвонили из редакции и сказали, какая тебя настигла дата — семидесятипятилетие. Но я счел возможным не принять ее в расчет и позволить себе роскошь воспоминаний, погрузиться во времена нашей молодости, наших веселых боев, нашего гнева, наших побед под градом осуждений, критических громов и «проработок». Ты для меня навсегда живешь в этом времени — молодой, нервный, робкий и требовательный, боязливый и упрямый, дерзко пессимистичный. Меня всегда восхищал твой наивный, воинственный пессимизм, великолепная способность впадать в отчаяние, в полнейший мрак вопреки всем призывам к обязательному в те времена оптимизму. Никакой успех не мог сделать тебя довольным, самоуверенным и спокойным. Ты был вечно чем-то встревожен, недоволен, чего-то опасался и мог этим раздражать, даже обижать.

Передо мной лежит тоненькая книжечка — твоя пьеса «Фабричная девчонка», издание 1957 года. На первой странице твоя надпись — «Дорогому Боре с любовью о снисхождении к человеческим недостаткам. Саша». Судя по всему, эта надпись сделана после какой-то ссоры. Сейчас уже трудно вспомнить по какому поводу, собственно, возникали размолвки. Наверное, я злился на твои опасения, что Фетисова будет играть Женю слишком резко. Так считали многие, а после сдачи спектакля Художественному совету, этот самый Худсовет потребовал снятия ее с роли. Я не уступил, и на премьере она имела оглу-

Я ТРЕБУЮ, ЧТОБ УЛЫБНУЛСЯ ТЫ!..

Открытое письмо
Александру Володину

неподкупность гордой природы. Фетисова сыграла в этой роли прекрасную, естественную «дикость» неприрученной ложью души, сыграла органичное, врожденное, отвращение ко лжи, ее абсолютное, полное неприятие, отчаянное нежелание, неспособность смириться с привычными для всех условиями и условиями. А так как в те годы вся наша жизнь была пропитана, пронизана, цементирована ложью, то образ этот воспринимался как символ протеста против гнусной и глупой неправды, которой было опутано все наше общество. Многие актрисы играли Женю эффектно и звонко, но никто не передавал с такой силой этот трепет гневного отвращения к неправде, как Фетисова. Может быть, потому, что сама она за всю свою жизнь в театре ни разу никому неискренне не улыбнулась, не сказала ни одного неискреннего комплимента, думаю, что ни разу не промолчала, когда была с чем-то несогласна. Уже не говоря о том, что ни разу ни на одном собрании не произнесла ни одного из самых распространенных тогда демагогических слов. Ее жизнь была подвигом творческой честности, неподкупности, прямоты. Вот почему она так любила созданную тобой роль.

Надо сказать, что все актеры были влюблены в твою пьесу, в свои роли. Николай Пастухов, с неистовым темпераментом фанатика игравший Бибичева, для этой роли на каждом спектакле душился отвратительным тройным одеколоном, потому что ему казалось, что этот комсорг пользуется именно таким одеколоном. Максимальная одержимость, доходящая до смешного и прекрасного чудачества, творческая самозабвенность этого актера помогали ему создать тоже почти символический, при всей своей достоверности, образ пламенного, неистового в своей дурацкой убежденности демагога.

И Андрей Петров в роли немногословного, мрачного Федю нес свою серьезную и глубокую тему. Если Бибичев — Пастухов был священнодействующим жрецом, носителем лжи, Женя — Фетисова — бесстрашной «еретикой», восстающей против этой лжи, то Федя — Петров таил угрюмую обиду и боль обманутого.

Прекрасный критик К. Рудницкий написал тогда: «Борис Львов поставил «Фабричную девчонку» с широким размахом, свободно и поэтично, понимая, что за внешней камерностью произведения открывается драма больших масштабов, серьезных и волнующих размышлений».

Рудницкий пронзительно сказал о масштабности твоей драматургии, в то время как большинство ортодоксальных критиков твердили о камерности и «мелкотемье» (глупый, но, к сожалению, очень употребительный в свое время термин). Но, когда Фетисова играла Женю с настоящим огнем правдолюбца, восстающего против неправды и ханжества, когда Пастухов в роли Бибичева был слеп и пламенно одержим в своих прописных истинах, — спектакль вызывал горячий отклик в громадном зале ЦТСа, таком неподходящем для «камерных», по мнению многих, пьес Володина.

И в «Старшей сестре», поставленной в «Современнике», я продолжал утверждать, что ты — драматург-поэт, что в твоих «бытовых» пьесах сюжеты и характеры — поэтические, «сказочные». В «Фабричной девчонке» Женя выступает как герой русских сказок, воплощение правды, прямоты, высокого человеческого простодушия, смешного и досадного только для подлецов и пошляков. В «Пяти вечерах» ты рассказываешь легенду о прекрасной самоотверженной любви, победившей разлуку, усталость, разоча-

рования. В «Старшей сестре» говорится, как в сказках о Золушке, о победе мечты, казалось бы, несбыточной, нереальной о «житейской» точки зрения, о возможности почти сказочного преображения человека.

Конечно, это мои субъективные ощущения, но именно они вели меня в постановке «Старшей сестры». «Фабричная девчонка» была твоей первой пьесой и я первый ставил ее. А ко времени «Старшей сестры» уже много раз были произнесены слова об узости, мелкотемье, бытовщине и тому подобном. И поэтому явилось решение, подчеркивавшее поэтичность, приподнятость этой пьесы о бунте Личности против мешанской ограниченности и депотизма, о торжестве Незаурядности, поднимающей человека над бытом, над житейским стандартом, о том, что делает его выше и больше так или иначе сложившихся жизненных обстоятельств. Отсюда возник в спектакле серебристый, словно летящий женский профиль (художник В. Мессерер), музыка Моцарта, почти фантастические театральные лучи прожекторов, в которых Надя и Лида читали строки стихов, отрывки монологов Сони, Джульетты, Нины.

Я отчаянно спорил с О. Ефремовым, с Л. Толмачевой, ты приезжал из Ленинграда нас мирить, уверял, что все будет хорошо. В это же время «Старшую сестру» ставили у Г. Товстоногова с роскошной Т. Дорониной, ты разрывался между двумя театрами и иногда сердился по поводу разных театральных неурядиц.

Помню одну твою сентенцию — «Я пишу хорошие

женские роли, поэтому их отдают первым актрисам, а первые актрисы — это себялюбивые, капризные, избалованные существа, совсем непохожие на тех женщин, которые живут в моих пьесах. Поэтому в следующий раз я потребую, чтобы главную роль играла самая маленькая, несчастная, забитая и забытая актриса театра, затерянная во всех массовках».

Это тоже высказывание театрального идеалиста, сказочника, наивного мечтателя.

В конце концов, Толмачева вдохновенно сыграла Надю, Ефремов был необыкновенно достоверен в роли обидчивого до слез Ухова, очень хороши были А. Покровская, И. Кваша, Г. Соколова, В. Заманский, Л. Иванова. Мне кажется, что и в этой твоей пьесе и в нашем спектакле была важная для того времени мысль — символ торжества человеческой Артистичности над убогой серостью жизни, жажды душевного праздника и освобождения. В сущности, это был рассказ о всех нас, о «Современнике», о Фетисовой, об Эфросе, о всех, кто взлетом души побеждал жестокость и тупость запретов, узость стереотипов и глупых требований, несправедливость оценок, всю невыносимую серость «прекрасной советской действительности», воспевай которую нас призывали настойчиво и угрожающе.

Первые спектакли мы сыграли на гастролях в Тбилиси, и благословенный тогда город одарил нас неслыханным успехом, дождем роз, роскошью невероятных застолий. Ты многим людям театра дарил праздник, радость, счастье успеха. И прежде всего потому, что в эпоху торжествующей лжи написал правдивую пьесу, вывел на сцену непридуманных людей и тем самым кого-то разозлил, кого-то испугал, а кого-то несказанно ошастливил. Я был в числе таких ошастливленных и поэтому всегда помню тебя.

После «Девчонки», на другой тоненькой книжечке, где напечатана другая пьеса — «Старшая сестра», ты написал: «Боре, с благодарностью за прошлое, с надеждой на будущее», и подписал — «Саша».

После «Старшей сестры» мне не пришлось ставить твои пьесы. Мы не виделись бог знает сколько времени. Ты мог меня совсем забыть. Но я все-таки хочу через много лет снова обратиться к тебе так, как ты подписался тогда, — Саша, будь здоров и счастлив, насколько это возможно в наше время и в нашей стране. Сейчас пишу много черных пьес, совсем безнадежных, пугающе, тоскливо безысходных. Их так и величают — «чернуха». Ты тоже писал в жестокое время и был «пессимистом». Но сквозь твою грусть и даже ненависть всегда проникал свет, в твоих нелепых и несчастных героях всегда было душевное изящество и красота. Никакой «чернухи». Почти детская вера. «Все странно, смешно, необузданно!» — как говорит твоя Надя, придя с выставки детского рисунка.

Я мог бы послать все это тебе в запечатанном конверте, но решил опубликовать так открытое письмо, потому что мне хочется рассказать, напомнить всем, как много ты значил для всех нас, ибо твои пьесы начали новую эру в нашем театральном деле.

И еще очень важно напомнить сейчас — ты умел говорить самую горькую правду, не отнимая у людей веры, надежды, щемящего чувства красоты. Я не знаю, как ты сейчас живешь, наверное, совсем нелегко, но что бы то ни было, я кончаю так, как ты в одном из вариантов кончил свою «Старшую сестру» словами пушкинской Лауры:

Слушай, Карлос,

Я требую, чтоб улыбнулся ты!..

Саша, улыбнись, хотя бы этим сбивчивым воспоминаниями!

С нежностью и благодарностью,

Борис ЛЬВОВ-АНОХИН.

Москва, 6 февраля 1994 г.

Фото Валерия Плотникова.